

КРЭЙД

АЛХИМИК

ЕГОР ТА

Егор Та

Крэйд 2: алхимик

«Автор»

2026

Та Е.

Крэйд 2: алхимик / Е. Та — «Автор», 2026

Крэйд продолжает путь, но главная беда никуда не делась: опыт по-прежнему приходит к нему не так, как к другим. В мире, где силу получают через уровни, это значит одно — надеяться можно только на собственный ум, упрямство и путь, которого до него никто не искал. На этот раз его ставка — алхимия. Может ли новый город стать началом новой жизни? У Крэйда нет ни друзей, ни связей, ни привычной опоры под ногами; только ум, упрямство и слишком дорогой опыт выживания. Вот только у нового города на Крэйда, кажется, уже есть собственные планы.

© Та Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Егор Та

Крэйд 2: алхимик

Пролог

Кабинет пах воском, сырой бумагой и старым деревом. За высоким окном Грейнхольм лежал серый и мокрый: крыши, дым, камень, редкие огни в тумане. На столе — карта герцогства, стопка донесений, свеча под стеклянным колпаком. Всё было устроено для человека, который сидит допоздна не потому, что любит работу, а потому, что иначе кто-нибудь обязательно всё испортит.

В кабинете были двое.

Один — старый, сухой, аккуратно выбритый. Такие лица не запоминаются по отдельным чертам. Их запоминают по тому, как быстро после них начинают шевелиться писари, стража и палачи.

Второй стоял перед столом и молчал.

Кардис из рода Мерран.

Королевский сыщик, инспектор центрального отдела расследований Грейнхольма.

На нём ещё была дорожная форма. На лице — усталость человека, который не спал нормально несколько ночей подряд и всё равно вернулся не с оправданиями, а с результатом.

Старый дочитал последнюю страницу, перевернул её обратно и только после этого поднял глаза.

— Крэйд, — произнёс он. — Восемнадцать лет. Нулевой уровень. Убил старосту Торвела и Кая, начальника стражи. Оба сильнее, старше и опытнее. И, по твоему предположению, в одиночку убил мохового вирма. Всё верно?

— Да, сэр.

— Тогда объясни мне, Кардис, почему самый интересный человек во всей этой истории сейчас не у нас.

Кардис ответил не сразу. Ровно настолько, чтобы не прозвучать торопливо.

— Это не дело для центрального отдела расследований Грейнхольма, — ответил Кардис. — Королевское повеление касалось контрабандной сети. Задание выполнено; мелкими убийствами и прочими бытовыми преступлениями пусть занимается местная стража.

— Я не спросил тебя про арест, — оборвал старый без повышения голоса. — Я спросил: почему он сейчас не у нас. Сеть ты взял, а человека упустил. А мог бы завербовать.

Кардис чуть опустил подбородок.

— На месте он выглядел как загнанный мальчишка с двумя свежими трупами за спиной, — сказал он. — В такие минуты не вербуют. В такие минуты либо жмут, либо дают выдохнуть. Давить я не стал.

— И правильно, что не стал, — сухо сказал старый. — Давить надо с толком. А не как уездные болваны, которые сначала ломают человеку ребро, а потом удивляются, почему он не хочет служить короне.

Он положил ладонь на бумаги.

— Я счёл его местной проблемой, — сказал Кардис. — Два убийства. Личный мотив. Я думал, его достаточно отдать в герцогский розыск. На фоне того, что шло через фронтир, это выглядело мелочью.

Старый коротко усмехнулся.

— Вот тут ты и ошибся. Убийство — это не только преступление. Иногда это повод. Иногда — звено в цепи. Иногда — то, за что человека удобнее всего взять. Ты увидел в этих двух трупах конец дела. Я бы увидел начало.

Старый откинулся в кресле.

— Скажи мне, Кардис из рода Мерран. Много у нас мальчиков из хороших родов, которые умеют красиво носить плащ, щёлкают каблуками и твёрдо уверены, что уже созданы для серьёзной службы?

— С избытком, сэр.

— Именно. А теперь скажи, много ли у нас людей без рода, без уровня и без права на ошибку, которые в восемнадцать лет способны убить в запертой комнате двоих взрослых, куда сильнее себя, а потом ещё и уйти в дикие земли?

— Немного.

— Вот именно. Таких немного. Таких не отдают лесу из жалости.

Он помолчал, глядя не на Кардиса, а в окно.

— Уровни можно поднять. Манерам можно научить. Даже верность иногда можно купить, если не жадничать. А вот умение смотреть на сильного противника и искать не честного поединка, а решения, которое даст результат, — редкость. Особенно у тех, кому никто ничего не дал бесплатно.

Кардис медленно кивнул.

— С уровнями у него, конечно, скверно, — сказал он. — Но и тут можно было бы поискать решение. Вот только вы и впрямь считаете, что я должен был предложить ему службу?

Старый едва заметно нахмурился.

— Он только что убил старосту и начальника стражи, — сказал старый. — После этого человек не думает о присяге, карьере и благе королевства. Он думает, где спрятаться, как не попасться и что делать, если за ним придут к утру. С этого и надо было начинать.

Он загнул палец.

— Во-первых: «Мы можем сделать так, что тебя будут искать не слишком усердно».

— Во-вторых: «Мы можем дать тебе время».

— И в-третьих: «А взамен ты поработаешь на людей, которые умеют ценить полезных».

Старый посмотрел на Кардиса.

— И не надо было обещать ему высокую должность, орден и родовой герб. Хватило бы тёплой комнаты, безопасной дороги и ощущения, что его не собираются тут же удавить за всё содеянное.

— А если бы отказался?

— Тогда отказался бы. Но отказаться он должен был после предложения, а не вместо него.

Кардис только спросил:

— Считаете, он пригодился бы именно нам?

— Я считаю, — сказал старый, — что ты пока думаешь как хороший исполнитель. А я вынужден думать как человек, которому через несколько лет всё это хозяйство придётся кому-то передавать.

Он постучал согнутым пальцем по столу.

— Исполнитель закрывает дело. Руководитель смотрит, кто будет закрывать следующее. Канал в герцогстве мы вскрыли. Хорошо. Через полгода всплывёт другой. Через год — третий. И каждый раз мне нужны будут не только отчёты, но и люди, которые умеют влезать в грязь, думать под давлением и выживать там, где ломаются обычные слугаки.

Кардис отвёл взгляд на карту.

— Понимаю, сэр.

— Пока нет, — спокойно сказал старый. — Но поймёшь.

Он закрыл папку с отчётом.

— Сейчас за ним уже поздно бежать. Если мальчишка не дурак, он давно ушёл в дикие земли. Если дурак — мы и так о нём больше не услышим.

Кардис позволил себе короткий выдох.

— Значит, ждать?

— Не ждать. Готовиться.

Старый выдвинул ящик, достал чистый лист и положил перед собой.

— Он не проживёт в диких землях вечно. Даже самым гордым беглецам нужна обувь, крыша, горячая еда, игла, нитка и кто-нибудь, кто не смотрит на них как на добычу. Рано или поздно он выйдет к людям.

— Ориентировка, — понял Кардис.

— Да. Но не на арест.

— Чтобы местные болваны не испортили всё раньше времени, — сказал Кардис.

Старый впервые за разговор одобрительно посмотрел на него.

— Вот. Уже лучше.

Он взял перо.

— Пиши: «При обнаружении немедленно сообщить по служебному каналу. Объект не задерживать. Шума не поднимать. Обеспечить условия, при которых объект сочтёт выгодным остаться на месте до прибытия ответственного лица».

Кардис чуть приподнял бровь.

— «Сочтёт выгодным»?

— Именно так, — сказал старый. — Не «удержать». Не «взять под надзор». Это формулировки для тупых. А мне нужен живой человек, который сам решил не уходить хотя бы одну ночь.

— Понял.

— Портрет приложить. Не делай из него бандитскую рожу. Пусть выглядит как усталый парень, с которым выгоднее поговорить, чем сразу тыкать в него алебардой.

— Первый набросок сделаю сам, — сказал Кардис. — Потом отдам портретистам.

— Так и сделай.

Старый встал, подошёл к шкафу у стены и положил ладонь на узкую деревянную планку. Там, где только что была панель, проступила дверь. Он уже шагнул к ней, но остановился, будто вспомнил о чём-то неприятном и потому особенно важном.

Вернулся к столу, наклонился, поднял ещё одну пачку бумаг — толстую, криво перетянутую лентой.

Положил перед Кардисом.

— И раз уж ты вернулся, — сказал он, — займись этим.

Кардис посмотрел на стопку.

— Это всё за время моего отсутствия?

— Нет, — ответил старый. — Это только то, что я решил придержать до твоего возвращения. Всё остальное уже раздали тем, кого не жалко.

Кардис на миг прикрыл глаза.

— Щедро, сэр.

— Служба вообще щедра, — сухо сказал старый. — Особенно к тем, кто умеет работать.

Кардис взял верхний лист.

— Будет сделано.

— Конечно, будет, — ответил старый и наконец ушёл в скрытую дверь.

Глава 1

Я сидел на дереве и жарил мясо.

Сама по себе фраза звучала как признание в очень плохих жизненных решениях. Что, в общем, было недалеко от истины.

Костра я, разумеется, не разводил. Просто держал ломоть над плоским греющим камнем, чтобы жир шипел тихо и не капал вниз слишком бодро. Камень я нашёл в тайнике у синей скалы-птицы — в том самом, который остался после истории с контрабандой, старостой Торвелом, начальником стражи Каем и прочими людьми, считавшими, что мне давно пора сдохнуть ради общего удобства.

Тайник был чужой, дорогой и набит вещами на тот случай, если контрабандистам вдруг понадобится снаряжение, чтобы срочно не умереть. Кардис из рода Мерран забрал оттуда всё самое ценное, а я — всё, что смог унести. Греющий камень с тех пор кормил меня без дыма и был лучшим собеседником последних недель.

Дерево стояло одно. Ни второго дерева рядом, ни скалы, ни даже приличного валуна, на который можно было бы перепрыгнуть и сделать вид, что у тебя есть запасной план. С запада тянуло сухим ветром, с юга — горячим. Пыль здесь была мелкая, въедливая и удивительно настойчивая.

Под деревом сидела тварь.

Похожа на крупную кошку — если бы кто-то взял обычную кошку, вытянул, добавил ей терпения, злобной сообразительности и снабдил хвост шипом. Ноги длинные, уши с чёрными кисточками, песчаная шерсть в пятнах и полосах, тяжёлая челюсть. Глаза жёлтые, сухие, без капли сочувствия к моим обстоятельствам.

Я мысленно назвал тварь кистеухом. Название было дурацкое, но в тот момент мне было не до научной классификации. Я вообще был не в том положении, чтобы спорить с первым рабочим словом, которое пришло в голову.

Кистеух не прыгал. Не лез по стволу. Не уходил.

Он просто сидел и ждал.

Это раздражало больше всего. Когда на тебя бросаются, можно думать. Когда на тебя лезут, можно действовать. Когда тебя просто ждут, остаётся только медленно гнить изнутри вместе со своими идеями.

Под деревом, в траве, висели невоплощённые мешочки с лутом.

Семь штук.

Система в таких вопросах по-своему справедлива: убил — получи награду. А дальше уже сам придумывай, как её поднять, не став при этом чьим-то ужином.

Я перевернул мясо, вдохнул запах жира и соли. Кистеух внизу чуть поднял голову и втянул воздух.

Смешнее всего было то, что ещё несколько месяцев назад я считал своей главной проблемой старосту Торвела и стражника Кая. Потом убил их обоих. Потом королевский сыщик Кардис из рода Мерран устало сообщил, что герцогский розыск я всё-таки получу. Не сразу, так чуть позже.

Тогда это звучало неприятно.

Теперь, сидя на дереве над терпеливым хищником, я понимал: по сравнению с кистеухом герцогский розыск — вещь почти домашняя. Люди, как правило, не готовы неделями караулить тебя под одним и тем же деревом.

Я ушёл на юго-запад, насквозь через дикие земли, потому что возвращаться в Арнавальд было плохой идеей, а уходить по дорогам — плохой идеей вдвойне. Хотел выйти далеко к югу, к той части Аренхольда, которая граничит только с дикими землями, а те — с другими дикими землями и больше ни с чем. Там и искали бы хуже, и граница в тех местах держалась больше против монстров, чем против таких, как я. Два с лишним месяца пути, отвратительные ночёвки, грязь, сон где придётся и привычка мыться где придётся, чтобы не пахнуть сильнее, чем это уже задумано природой.

С волосами вышло особенно унижительно. Пришлось обрезать их самому рунным ножом. Результат был настолько убедителен, что, если бы меня спросили, кто именно меня так подстриг, я бы честно ответил: плохой человек.

Деревья в диких землях — плохая кровать, но достойная линия обороны. Ни один нормальный рейдер не скажет, что на дереве безопасно. Он скажет другое: на земле хуже.

Этот кистеух вышел ко мне из сухой травы так, словно всегда там и сидел. Я заметил его не по движению. Я заметил его потому, что птицы внезапно заткнулись.

Он не боялся. Я, разумеется, тоже сделал вид, что не боюсь. Вышло весьма убедительно.

Вариант «убежать» я отбросил сразу. Он бегал быстрее. Я это понимал. Он это, кажется, тоже понимал. Поэтому я решил, что раз уж судьба опять устроила мне полевую лабораторию, почему бы не провести ещё один опыт.

У меня был абсолютный навык Инверсия. Компенсация Системы за ошибку, которую нельзя было вырезать. Он превращал усиления в ослабления, а ослабления — в усиления.

Под Инверсией яд становился лечением. Лечение — ядом. Врождённая регенерация драконидов становилась причиной их очень неприятной смерти.

За эти месяцы я уже успел проверить несколько старых слухов, рискнуть выйти против двух сильных драконидов и забрать очень приличный лут. Даже опыт перепал. Немного. В моём случае всё, что касалось опыта, звучало как издевательство, но единица выносливости всё-таки прибавилась — по итогам двух месяцев скитаний по диким землям.

ИНТЕРФЕЙС

Имя: Крэйд

Возраст: 18

Статус: Взрослый

Уровень: 0

Опыт: 5752 / 12000 (заблокировано)

Характеристики:

Сила: 7

Ловкость: 6

Выносливость: 8

Восприятие: 10

Интеллект: 10

Мудрость: 4

Навыки:

- Инверсия

- Секретка

С первым кистеухом план мне казался вполне рабочим. По крайней мере, до столкновения с реальностью.

Я брал кишку, завязывал с одного конца, заливал внутрь зелье и завязывал с другого. Такая оболочка долго не держит, но надолго мне и не требовалось. Я нарезал приманку, делал надрезы и прятал в неё кишки-капсулы, наполненные бодрящим соком и лечебным зельем. Хороший трюк: когда тварь жуёт или глотает, тонкая оболочка лопается внутри, и содержимое попадает куда надо.

Дальше всё было красиво только в теории.

Я повесил Инверсию.

Кистеух сожрал приманку.

Пошатнулся.

Зарычал.

Потом не умер.

Его вывернуло. Он вытер морду лапой, посмотрел на дерево и с этого момента окончательно решил, что теперь между нами всё стало личным.

После этого он перестал брать приманку вообще. Не только с лекарством. Любую. Он просто сел под деревом и начал ждать, пока я сам превращусь в достаточно глупый кусок мяса.

Потом на запах пришёл второй кистеух. Помоложе. Поглупее. И гораздо полезнее в учебных целях.

Вот тогда я вспомнил склянку, которую в ту ночь мне сунул Кардис из рода Мерран. «А я тебе противоядие принёс», — сказал тогда он.

Противоядие было крепкое, универсальное и дорогое. Корона, видимо, не сэкономила на здоровье своих сыщиков.

Я снова сделал кишку-капсулу. Снова спрятал её в мясо. Снова повесил Инверсию.

Противоядие — не яд. Монстры чувствуют яд. У них на это либо нос лучше человеческого, либо какой-то врождённый дар чутя подвох. А вот лекарство они чувствуют как лекарство. Под Инверсией лекарство стало ядом.

Второй кистеух сожрал приманку спокойно, лёг так, будто решил отдохнуть, попытался встать — и не смог.

Первый в этот момент сидел в стороне и смотрел на меня так, будто записывал в память каждую подробность.

Так под деревом появился первый мешочек с лутом, который я не мог забрать.

Потом второй.

Потом третий.

Потом жизнь стала очень простой, очень тупой и очень зависимой от воды.

Мяса у меня ещё оставалось немного. Противоядия — тоже. Иногда удавалось выманить очередную тварь, которая ещё не успела стать законченным параноиком. Я повторял трюк, получал мешочек и продолжал сидеть наверху, как самый несчастный богач на юге.

Проблема была не в мане. Ману я давно научился поддерживать зельями, абсорбентами и всем тем, что под Инверсией превращалось в удобный костыль.

Проблема была в воде.

Пресс-пайки без кипятка оставались пресс-пайками: плотными брикетами, которыми при желании можно было проломить кому-нибудь голову, но насытиться ими было трудно и больно для зубов. Дождь за всё это время случился один раз — короткий, жалкий, неуверенный в себе. Я тогда собрал воду плащом и котелком, выпил почти всё сразу и потом долго смотрел в небо с тем выражением лица, которое, наверное, бывает у глубоко религиозных людей. Небо меня не оценило.

Теперь рот пересыхал.

Я доел последний кусок, не чувствуя уже ни вкуса, ни удовольствия, спрятал греющий камень в сумку и облизнул потрескавшиеся губы.

Кистеух внизу шевельнул ушами.

Я сначала решил, что он просто снова напоминает: «я здесь».

Потом услышал ещё один звук. Я наклонился и посмотрел на юг. Из сухой травы вышел ещё один кистеух. Крупнее. Темнее. С тем же сухим спокойствием в глазах.

А за ним я заметил уже не звериное движение. В траве мелькнул наконечник копья. Потом рука. Потом человек. Ещё один. Ещё.

Они шли под ветром и держались грамотно. Кистеухи их не видели. Я сверху — видел прекрасно.

На запах мяса пришли не только твари. Пришли люди.

Это был шанс.

Я собрал остатки слюны и коротко свистнул — не «эй, сюда», а тот резкий звук, которым на фронтире не зовут, а предупреждают: стой и смотри внимательнее.

Люди замерли.

Один поднял голову. Нашёл меня глазами.

Я показал вниз — на тварей. Потом ткнул пальцем в крупного. Потом во второго. Потом сжал кулак и резко дёрнул вниз. Язык жестов, конечно, был не самым изящным, но когда вторую неделю сидишь на дереве без воды, изысканная пантомима не входит в список сильных сторон.

Тот, кто стоял впереди, понял достаточно.

Я вытащил последний приличный кусок мяса, сделал ещё одну капсулу с противоядием и густо натёр приманку пахучкой — старой заначкой ещё из Арнавальда, дрянью с настолько приятным запахом, что она выбивала осторожность даже из умных тварей.

Потом сделал короткий глоток зелья маны. Инверсия. Я повесил её на большого кистеуха и бросил мясо.

Он подошёл не сразу. Нюхнул. Замер. Видимо, решал, не слишком ли всё хорошо складывается. Потом всё-таки сожрал. Секунду ничего не происходило.

Потом тварь дёрнулась так, будто ей в брюхо вогнали раскалённый крюк. Лапы подломились. Он попытался отпрыгнуть, но яд уже пошёл по жилам. Кистеух тяжело рухнул на бок, взбив сухую пыль.

Мой, тот самый терпеливый, на миг повернул голову к сородичу.

Этого охотникам хватило.

Они вылетели из травы быстро и без крика. Один ударил копьём в бок, сбивая разворот. Второй резанул по задней ноге ниже сустава, где сухожилие тоньше и злее всего реагирует на сталь. Третий уже был сбоку, отрезая путь в открытую степь. Кистеух рванулся, шарахнулся на полкорпуса, зашипел, но ему не дали ни расстояния, ни ритма. Люди не геройствовали. Они работали.

Через несколько ударов тварь уже не дралась, а дохла.

Я спустился медленно. Тело давно пыталось объяснить мне, что оно не железное, и теперь получило, наконец, возможность высказаться.

Когда ноги коснулись земли, меня качнуло.

Старший из охотников подхватил меня под локоть раньше, чем я успел изобразить независимость.

— Воды, — просипел я.

Мне сунули флягу. Я сделал первый глоток, потом ничего не помню, потом фляга оказалась пустой. С большим усилием заставил себя оторваться от пустой но влажной фляги.

— Привет, — прохрипел я, отдышавшись. — А я тут пытался котёнка приручить. Почти получилось.

Старший не улыбнулся, но уголок рта у него дёрнулся.

— Я Ольгерт, — сказал он. — Это Вея. Вон тот молчун — Хед. Кто ты такой и почему гнездо решил свить на дереве?

Я выбрал заготовленную ложь.

— Крэйд, — сказал я. — Из Клинцов. Это у форта Воронья Стража.

Я видел это место на карте у Торвела. Оно было достаточно крупным, чтобы жители не знали друг друга поимённо, и достаточно далёким, чтобы уроженцев этого места здесь не оказалось.

Вея прищурилась.

— Далёко.

— Я заметил.

Ольгерт смотрел на меня ещё несколько вдохов, оценивая не имя, а состояние.

— Лут твой? — спросил он наконец, кивнув на мешочки.

— Мой, — сказал я. — И ваш.

Тут уже все трое посмотрели внимательнее.

— За что такая щедрость? — спросила Вея.

— За воду. За то, что вы пришли. И за то, что без вас я бы тут красиво и бессмысленно сдох, — ответил я. — Семь вам. Один мне.

Хед присвистнул.

Ольгерт не присвистнул. Он просто спросил:

— Уверен?

— Я сейчас в таком состоянии, — сказал я, — что попытка поднять больше одного добыёт меня вернее этих хвостатых тварей. Так что да. Уверен.

Я по очереди материализовал мешочки и отдал им. Последний оставил себе.

Хед сразу оживился.

— А как ты их валил? Кистеухи дурь чувят. Им простую отраву не сунешь.

Я пожал плечами.

— Повезло с составом на основе яда болотного зубастика.

Это была не совсем правда. И не совсем ложь. Мои лучшие слова обычно так и работали. Вея посмотрела надохлую тварь, потом на меня.

— Отличный яд, — сказала она.

— Отличный, — согласился я. — Особенно когда сидишь на дереве и молишься, чтобы следующая тварь оказалась тупее предыдущей.

Хед хмыкнул.

— Купить где?

— Уже нигде, — ответил я. — Последний извёл. И, если честно, повторять опыт без хорошей причины я бы не стал.

Ольгерт перехватил мою флягу, убрал за пояс и сказал:

— До Тальвика день пути, если идти нормально. Ты в таком состоянии будешь идти три дня и всё равно один не дойдёшь. Давай доведём. Лутом ты нас уже снабдил, можем и обратно повернуть.

Я вздохнул.

— Ведите.

Шли мы медленно. Точнее, они шли нормально, а я старался не опозориться окончательно. Через полчаса я уже мог не только переставлять ноги, но и поддерживать беседу без ощущения, что язык сейчас отвалится: вода понемногу начала приводить меня в чувство.

— Тальвик — это что? — спросил я. — Посёлок? Форт? Недоразумение с храмом?

— Городок, — сказал Хед.

— Городок, который любит прикидываться посёлком, когда надо платить наверх, — уточнила Вея.

— И посёлком, который любит прикидываться городом, когда надо поднять цену, — добавил Ольгерт.

Это уже звучало как место, где можно пережить зиму.

— Кто там главный?

— Формально — староста, — ответил Ольгерт. — По-настоящему — смотря в каком вопросе. На воротах одни люди главные. На рынке другие. На караванном дворе третьи.

— То есть всё как у нормальных людей, — сказал я.

Вея снова фыркнула.

По дороге я узнал, что Тальвик лежит южнее форта Железный Заслон, что до нормальных дорог от него уже недалеко, что в городке есть храм, караванный двор, скупщики, баня и стража. А ещё — что южные кистеухи умнее, чем мне хотелось бы, и что я, вероятно, первый дурак за долгое время, который сумел превратить охоту на них в затяжной спор о том, кто кого пересидит.

К вечеру показалась стена.

Не великая, не столичная — просто добротная. Камень снизу, дерево сверху, свежие заплатки на брёвках, следы старых подпалов и чинёные ворота, которые уже не раз проверяли на прочность.

У ворот на нас посмотрели внимательно, но без лишнего усердия. Я на это не обиделся. После диких земель сама возможность войти куда-то без попытки тебя сожрать уже казалась признаком высокого уровня цивилизации.

Ольгерт довёл меня до скупщика лута, который не станет слишком уж обирать незнакомца. Тот за мой мешочек дал чуть больше трёх серебряных. Без торга; в тот момент полмонеты волновали меня куда меньше, чем перспектива горячей воды.

— Где здесь самый лучший постоялый двор? — спросил я. — И чтобы при нём обязательно была баня.

Ольгерт посмотрел с тем самым выражением, каким смотрят на человека, внезапно заявившего, что ему нужно купить небольшой дворец на тот медяк, что он нашёл на дороге. Я выглядел как изрядно покусанная кость.

— «Золотая Купель», — сказал он. — Дорого даже по городским меркам.

— Замечательно. Мне как раз хотелось, чтобы дорого.

— Есть чем платить? — уточнила Вея.

— Есть, — сказал я. — Звенит не так красиво, как хотелось бы, но платить умеет.

«Золотая Купель» стояла чуть в стороне от главной площади. Название не оставляло места для дешёвых ожиданий, а само здание его не подводило: чистый двор, ровная крыша, окна со ставнями.

Хозяин, плотный мужчина с аккуратно подстриженной бородой, оглядел меня внимательно, но без презрения. Видимо, видел и не таких.

— Комната, баня, еда, — сказал я.

— На сколько дней? — спросил он.

— На неделю для начала.

Он назвал цену в пять серебряных и внимательно следил за моей реакцией.

Я не стал морщиться. Просто перевёл ему пять Знаков. Цена и правда была немаленькой. Хозяин лишь кивнул.

— Баню затопят сразу, — сказал он. — Комната наверху. Бельё чистое. Еда внизу до позднего вечера. Есть можно сколько угодно, пока не выносите наружу. То же с пивом. Захотите чего-то лучше — уже за деньги. Если понадобится лекарь — скажете.

Он выдал мне ключ, и я наконец поднялся наверх.

Комната была маленькой, но правильной. Прочная кровать, стол, таз, ставни, новый замок. Дверь закрывалась не «как-нибудь», а всерьёз. Я быстро сунул в угол вещи, вышел, запер дверь, повесил на неё Секретку и только после этого позволил себе выдохнуть по-настоящему. Чистой одежды у меня не было, придётся одеваться в ту, что есть, пока не куплю смену.

В предбаннике я слегка сполоснул дорожную одежду от грязи и повесил сушиться. Только после этого я пошёл мыться сам.

Горячая вода ударила по коже так, что я чуть не расплакался от счастья. С меня сходили пыль, пот, запах сухой травы, дым греющего камня и последние месяцы жизни, в которых каждый день начинался с мысли: интересно, что сегодня попытается меня убить. Я стоял под ковшом и думал только об одном: сегодня ночью мне не придётся спать на ветке.

Я провёл там ещё несколько часов — ровно до того момента, пока тело не согласилось считать себя живым.

И вот тогда в интерфейсе вспыхнуло уведомление:

Секретка: УВЕДОМЛЕНИЕ

МЕТКА НАРУШЕНА

Секретка: УРОВЕНЬ ПОВЫШЕН

Секретка ур.4

Характеристики навыка изменены

Стоимость: $13+4=17$ маны (влияние: уровень навыка, интеллект)

Длительность: 512 часов (влияние: уровень навыка)

Откат: 22 часа (влияние: интеллект, уровень навыка)

Ограничения:

Метка может не сработать в некоторых обстоятельствах.

Существуют воровские навыки, способные не потревожить метку.

Кто-то входит в мою комнату прямо сейчас.

Глава 2

Когда метка на двери пишет «НАРУШЕНА», это обычно означает, что у тебя сейчас либо крадут вещи, либо пытаются воткнуть нож туда, где у тебя лежит спина.

Я вскочил, накинул первое, что попало под руку, — длинную рубаху, ещё сыроватую после стирки, — и подхватил рунический нож.

В коридор я выскользнул тихо. Не бегом. Бег хорош, когда ты хочешь сообщить противнику, где именно тебя удобнее встретить.

Моя дверь была приоткрыта.

Я задержал дыхание, толкнул её плечом и вошёл.

В комнате стояла служанка. Молодая, с ведром у ног и охапкой чистого белья на руках. Она как раз расправляла простыню на кровати и выглядела не как вор, а как человек, который очень не хочет, чтобы на него сейчас заорали.

Потом она увидела меня. Нож. Рубаху. Лицо.

— Система... — выдохнула она и чуть не выронила бельё.

Так обычно не играют. Так пугаются по-настоящему.

Я опустил нож остриём вниз.

— Тихо, — сказал я. — Кто тебя сюда послал?

— Хозяин, господин, — выпалила она. — Сказал перестелить. Для дорогого гостя.

«Дорогого».

Хорошее слово. Особенно когда у тебя под ногтями ещё пыль с дерева, на котором ты недавно чуть не сдох от жажды.

Я выдохнул.

— Ладно. Извини, что напугал.

Она осторожно кивнула, не сводя глаз с ножа.

— Я не знала, что вы в комнате, — сказала она уже тише. — Мне дали ключ и велели быстро всё сделать.

— Понял, — сказал я. — Доделывай. Только в следующий раз сначала стучи. И входи, только если я отвечу.

Она моргнула. Видимо, в её картине мира богатые гости так себя не вели.

Это прозвучало суше, чем я хотел. Но если ты однажды просыпался с ядом в крови, вежливость начинает проигрывать осторожности.

Служанка, к счастью, оказалась не из спорщиков. Она быстро расправила простыню, поправила покрывало и забрала ведро. Выскользнула в коридор. Шаги застучали по лестнице вниз.

Я постоял ещё несколько секунд, слушая обычные звуки постоянного двора: голоса из общей залы, стук посуды, чей-то смех, запах жареного мяса. Потом сел на край кровати и посмотрел на пальцы.

Они дрожали.

— Прекрасно, — пробормотал я. — Ещё немного, и ты начнёшь устраивать засаду на прачек.

Я перевёл взгляд на дверь.

На замок. На то, как славно сработала Секретка.

И сразу стало понятно, почему навык называется не «Охрана комнаты», а именно «Секретка». Для тайника этого навыка достаточно: заметить вскрытие раз во много дней. Для двери в жилом доме не очень подходит: один раз сработала, и следующую метку я смогу повесить только часов через двадцать с лишним.

Я ещё раз осмотрел комнату: окно, щели, пол, углы, сундук, вещи. Ничего. Ни следа торопливого обыска, ни чужой грязи, ни сдвинутой сумки.

Значит, входили не ради кражи.

«Дорогой гость».

Что ж. Возможно, мне и вправду стоит на время оставить паранойю диких земель и стать «дорогим гостем».

Королевство Аренхольд не только было соседним с моим родными королевством Арнавальд, но и было очень похожим: по языку, обычиям, государственному устоянству. Думаю, что если начну выглядеть приличным человеком - тут можно затеряться.

* * *

Первые дни я занимался тем, чем нормальные люди обычно занимаются без торжественных клятв и внутренней подготовки: ел, спал и приводил себя в человеческий вид.

С едой всё было просто. Организм после диких земель не спорит с разумными решениями. Он просто требует мясо, хлеб, кашу, соль, горячий бульон и побольше всего сразу.

Со сном было хуже.

Я засыпал в чистой постели, под крышей, с запертой дверью, а просыпался от каждого шороха так, будто кто-то уже тянется к моему горлу. Тело не верило в гостиницы. Тело верило, что стоит закрыть глаза — и кто-то тут же начнёт жевать тебе ногу.

Быт возвращается в жизнь тихо, как вор.

Следующим шагом я решил вернуть себе приличный вид. Деньги на это у меня были.

Сто двенадцать Печатей — эквивалент золотых монет, только системными деньгами. Сумма по местным меркам очень приличная. Не «жить как князь», конечно, но лавку, хороший дом или несколько лет спокойной жизни без тяжёлой работы на неё купить было можно. А лут с двух драконидов, который я ещё даже не трогал, стоил в разы больше.

Чтобы не ходить по рынку с одними системными переводами, я сходил к менялам при караванном дворе.

Там всё было устроено солидно: решётка, стол, двое скучных мужчин.

Я обменял часть Печатей на пять золотых.

Системные деньги нравились мне больше. Их труднее отобрать, труднее потерять по глупости, труднее подделать и вообще они ведут себя куда предсказуемее обычных монет. Но звонкое городское золото иногда полезнее.

Мне всё ещё было привычнее считать каждый медяк так, будто завтра я снова останусь с ножом, котелком и сомнительными перспективами. Но здесь, среди людей, выглядеть беднее, чем ты есть, иногда опаснее, чем выглядеть богаче.

Начал я с цирюльника.

Нашёл самый ухоженный дом с самой заметной вывеской и не ошибся. Внутри обнаружился сухой мужик с острым взглядом и руками человека, который зарабатывает не красотой, а опасным железом возле чужого горла.

Он окинул меня взглядом и спросил:

— Давно не стриглись?

— Давно, — ответил я. — У меня была... своеобразная школа парикмахерского искусства. С ножом в качестве основного инструмента.

Цирюльник не улыбнулся.

Через четверть часа из зеркала на меня смотрел человек, с кем уже можно было обсуждать дела, а не только предлагать помыться снаружи, прежде чем входить. Честное слово, такая стрижка должна накладывать свой собственный баф, типа «+ 5 к привлекательности». На худой конец «-50% к подозрительным взглядам».

Потом была одежда.

В Тальвике не нашлось настоящего портного, который шил бы на заказ, но нашлась лавка с мастерской, где умели подгонять дорогую одежду так, будто её шили прямо на владельца. Мне

нужна была одежда, которая не бросалась бы в глаза, но цену которой оценили бы понимающие люди. Одежда из дорогих тканей и хороших материалов из лута монстров.

Хозяйка была женщиной лет сорока, с цепким взглядом и тем выражением лица, какое бывает у людей, которых уже пытались обмануть все возможные сословия.

Я поздоровался и сказал:

— Мне нужны два дорожных комплекта и один городской. Нижние рубахи — из тонкого белёного льна, чтобы ткань ложилась гладко, а не стояла коробом. Верхние — из сивьара, но не парадного: матового, дымчатого, без яркого отлива. Для дороги — тёмный камлот хорошего кручения, чтобы ткань держала складку и не выглядела дешёвой даже после дороги. Тёплая подкладка — лёгкая шерсть и бархатник по вороту и по внутренней кромке плаща: ровно столько, чтобы вещь чувствовалась дорогой раньше, чем собеседник осознает почему именно. Пуговицы — тёмный рог, гладкий, без резьбы. Ремни и отделка — мягкая тонкая кожа. И плащи — один полегче, один под холод, оба с алхимической пропиткой, чтобы дождь сходил с них, как с хорошей крыши.

Она молча слушала.

— И сапоги, — добавил я. — Две пары. Одни — городские, мягкие, тихие. Вторые — дорожные, но не грубые, а такие, в которых можно войти и в дом городского главы, и в седло. Если это делаете не вы, пришлите ко мне мастера, который понимает разницу.

Вот теперь она оглядела меня внимательно.

Сначала куртку.

Потом руки.

Потом лицо.

Вид у меня был всё ещё тот ещё: загар, сбитые костяшки, старая рейдерская одежда, шрамы, недосып. Человек вроде бы просит как дворянин, а выглядит так, будто вчера спорил с болотом и проиграл.

— Это будет дорого, — произнесла она.

Я достал золотую монету и положил на прилавок спокойно, ставя точку в разговоре.

— Я на это и рассчитывал.

Она кивнула.

— Тогда слушайте внимательно. Лён — да. Камлот — да. Сивьар — тоже можно, но лучше взять дымчатую нить.

— Почему?

— Сивьар красив, пока к нему не прикоснулась игла. После первой серьёзной переделки начинает помнить каждый прокол и на сгибах выдаёт мастера, как плохой лжец — сам себя. Но матовая, дымчатая нить — другое дело. Ее можно подогнать под вас.

Это уже было похоже на разговор со специалистом.

— И что вы предлагаете?

— Я бы сделала так, — сказала она. — Городской комплект: рубаха из лучшего льна, сверху — дымчатая нить на мягкой основе, без холодного блеска, только с глубиной в складке. Дорожные — из южного камлота; он держит спину, не мнётся от седла и хорошо садится по фигуре. На тёплом плаще дам бархатника по внутреннему вороту и узкой кромке: снаружи это почти не видно, но человек, который знает цену вещам, поймёт всё с одного касания. Пропитку сделаю алхимическую, никакого воска и смолы; ткань останется живой, не станет хрустеть, как солдатская накидка. И если всё посадить как следует, выйдет именно то, что вам нужно.

Я прикинул её слова.

Она не пыталась продать мне самое дорогое.

Она пыталась продать мне то, с чем к ней не придут ругаться через два дня.

— Хорошо, — сказал я. — Делайте так, как сделали бы для человека, которого хотите удержать в числе постоянных клиентов.

Хозяйка хмыкнула.

— Вот это уже разговор.

Дальше началась нормальная работа: мерки, образцы ткани, спор о длине плаща, спор о ширине манжета, ещё один спор о вороте. С сапогами она тоже не подвела: послала мальчишку за мастером, тот пришёл сам, снял мерку и молча утащил дощечку с размером.

В итоге я заказал два хороших дорожных комплекта, одну тёплую смену на осень и плащ, в котором можно было выглядеть человеком, а не ожившей жалобой на климат.

В прошлой жизни я бы был от ужаса при мысли, что девяносто серебряных можно превратить в одежду.

Сейчас это были не траты. Это была маскировка.

После этого я зашёл к торговцам, которые возят рейдерскую амуницию через караванщиков, и заменил совсем уж убитую часть снаряжения.

Торговец взял мою старую куртку, повертел, изучил швы и заплаты, как опытный лекарь изучает особенно запущенного пациента, и сказал:

— Вам нужна не новая куртка. Вам нужен десяток вооружённых людей, которые будут спать посменно.

— Когда у вас появится такая услуга, обязательно пришлите цену.

Он фыркнул и подобрал мне новый комплект попроще: крепкая кожа, хорошие швы, нормальные застёжки, много карманов, без красотостей и с правильной злостью к жизни. И пообещал поискать что-то качественнее, когда придёт следующий караван.

Уже к вечеру я проходил мимо казармы стражи и увидел доску объявлений.

Там висели обычные городские бумаги: «разыскивается», «награда», «не пить воду из этого колодца», «пропала коза» и ещё несколько важных сообщений.

Я остановился.

Меня могли искать.

И даже сюда, в соседнее королевство, могли прислать людей, если в герцогстве решили, что я стою хлопот.

А я, разумеется, назвался охотникам настоящим именем.

Ошибка простительная человеку, который неделю вёл позиционную войну с кошкой под деревом. Люди вообще прощают собственные ошибки охотнее чужих.

Я постоял ещё секунду, потом пошёл дальше: пора было перестать откладывать очевидное.

Я направился в храм.

* * *

Храм в Тальвике был без вычурности, но очень ухоженный. Камень, ровные линии, запах воска и трав. Здесь явно любили порядок и не любили тех, кто путает святилище с рынком.

Едва я переступил порог, на краю сознания мигнул привычный дневной текст:

ПОЛУЧЕН БАФ: Воодушевление

Силы расходуются медленнее.

Характеристика 'мудрость' +1.

Длительность - 1 час.

Я прошёл дальше, к обелиску.

В сумке лежало то, что я собирал последние месяцы в диких землях. После происшествия в номере «Золотой Купели» самое ценное я предпочитал держать при себе. Сейчас у меня было:

- одна пластинка навыка;

- шесть пластинок опыта, от десяти до семидесяти тысяч;
- три пластинки опыта навыка;
- два ядра драконидов и ещё несколько ядер помельче;
- лёгкий магический лут, который имело смысл тащить на себе.

В этом наборе всегда чувствовалась одна неприятная мысль: большую часть добычи я всё равно бросил в диких землях. Мне ни за что не вынести из диких земель всё, что я добыл. Поэтому то, что когда-то казалось безумно ценным, я бросал на месте, даже не прятал в тайники: сомнительно, что я когда-то вернусь за этим.

С другой стороны, я и так вынес с тех драконидов то, за чем герцогские отряды ходят подготовленными группами, с дорогими расходниками, отдельными носильщиками и красивыми словами вроде «слаженной смены». Мне досталось это одному. Грех жаловаться.

Главное было в другом. Пластинки опыта для меня почти бесполезны: «ошибка» режет их в сто раз. А вот пластинка навыка округлениями не интересуется.

Новый навык — это новый инструмент. Я приложил пластинку к обелиску.

Интерфейс мигнул.

НАВЫК

Взгляд охотника ур.1

Эффект: с некоторым шансом вы сможете увидеть слабое место в защите монстра.

Стоимость: 15 маны (влияние: уровень навыка, интеллект)

Шанс срабатывания: 1% (влияние: уровень навыка, восприятие)

Радиус: 10 шагов (влияние: интеллект, восприятие)

Откат: 48 часов (влияние: уровень навыка, восприятие)

Ограничения:

Работает только на монстров.

Требуется зрительный контакт.

Работает только на живых монстрах.

Может не сработать при определённых особенностях монстров.

Может не пояснять какого рода слабость.

Имеет прочие скрытые ограничения.

Я перечитал описание дважды.

— Да, прекрасно, — пробормотал я.

Это был не абсолютный навык и даже не тот редкий дар, которому радуются у обелиска всем храмовым двором. Обычный рабочий инструмент: пообещать пользу, потом выставить условия, а внизу мелким шрифтом напомнить, что Система никому ничего не должна.

Один процент.

Раз в два дня.

Подойти к монстру почти вплотную, смотреть на него и надеяться, что именно сегодня Система решит побыть полезной.

Если прикинуть грубо, получить информацию от навыка мне удастся примерно раз в год: триста шестьдесят дней, раз в два дня - сто восемьдесят использований в год, один успех из ста. При условии, что я буду постоянно в рейде и постоянно подставлять лицо под чужие зубы с десяти шагов.

Я невольно вспомнил Секретку.

Тогда я посмотрел на одно слово в названии и решил, что это просто удачный бытовой навык. Полезный, фронтирский, не больше. Но ведь и «Секретка» называлась одним словом, а обычно навыки именовались двумя. Похоже, однословные попадались реже.

Повезло.

Для меня новые навыки вообще были делом рискованным. Какой-нибудь пассивный навык на регенерацию, «естественную защиту» или внутренний обогрев мог однажды превратить Инверсию из главного преимущества в петлю на собственной шее. Стоит ли рисковать ради навыка, который раз в год великодушно сообщит мне, что у монстра, оказывается, есть слабое место?

Ответа у меня не было.

Поэтому я убрал мысль в сторону.

* * *

Ещё через два дня мне принесли заказанные вещи.

Сначала в номер подняли свёртки из лавки одежды. Потом явился мальчишка от сапожника. Потом ещё раз пришёл человек с аккуратно сложенным плащом.

Я оделся и встал перед зеркалом.

Получилось странно.

Лицо всё ещё было моим: худое, загорелое, с внимательным неприятным взглядом человека, который привык сначала искать выход, потом удобное место для ножа и только потом уже мебель. Костяшки на руках оставались сбитыми. Ладони — шершавыми. Руки рейдера.

Но одежда была уже другого толка.

Тёмный камлот сидел строго и спокойно. Лён лежал ровно. Плащ не делал из меня дворянина, зато делал человеком, про которого проще подумать «на всякий случай уступлю дорогу», чем «давай-ка его подвинем».

Выглядел я теперь не как местный, но и не как беглый оборванец. Скорее как человек, который много ходил в плохих местах, но давно понял цену хорошей ткани и чужому времени.

Это меня устраивало.

Следом я зашёл к писарю. Писарь сидел в маленькой конторе у площади, среди чернильниц, песка, свёрнутых листов и запаха бумаги, который бывает только там, где чужие слова превращают в вещи, имеющие последствия. Я заказал у него три текста.

Главное из них было письмом:

«Господину Нарберту, заместителю главы Тальвика.

Прибыв в ваш город после долгого пути, считаю правильным засвидетельствовать уважение местной власти и просить о краткой аудиенции в удобное для вас время.

Крэйд.»

К письму я добавил небольшой запечатанный подарок: магический коготь из своего лута. Не роскошь и не взятка. Просто достаточный знак того, что пишет не нищий и не идиот.

Дом заместителя главы оказался ровно таким, каким и должен быть дом человека, который живёт при власти, но сам властью не размахивает: добротный, чистый, без показной роскоши и с двумя людьми у ворот, которые смотрели внимательно, но без желания немедленно кого-нибудь бить.

Слуга принял письмо и подарок с той невозмутимостью, какую воспитывают в людях годами.

— Передайте господину Нарберту, что ответа я буду ждать в «Золотой Купели», — сказал я.

— Будет передано, господин.

Я кивнул и ушёл, не пытаясь выжать из него ни слова больше. Люди такого рода болтают только по собственной ошибке.

Оставалось ещё одно дело.

Алхимическая артель.

Артель занимала длинный каменный двор у боковой улицы. Один навес был забит сушильными рамами с травами и полосами какой-то шкурки. Под другим стояли бочки, ящики и корзины с сырьём. Внутри главного помещения каменные своды ложились на широкие арки, в нишах до потолка теснились бутылки и банки, а вдоль стены тянулись столы для резки, ступы, весы, медные трубки, стекло, котлы, печи. От дальней печи шёл ровный жар, и в этом медном свете дерево, стекло и латунь казались почти нарядными, если не считать запаха спирта, трав и мокрой золы.

Работа шла сразу в нескольких местах.

Двое мальчишек мололи что-то в тяжёлых каменных ступах с лицами каторжников.

Одна женщина перебирала сухие корни так быстро, будто играла с ними в какую-то только ей понятную игру.

У дальней печи сухой старик следил за высоким медным котлом, не глядя ни на кого и всем видом показывая, что если его сейчас отвлечь, то чей-то день станет хуже.

А у входа меня встретила девушка лет семнадцати, в зеленом платье и с пятнами реактивов на рукавах.

— Вам готовое или заказ? — спросила она.

— Разговор, — ответил я.

Она быстро скользнула взглядом по плащу, рукам и лицу.

— С кем именно?

— С тем, кто принимает решения.

— Подождите, — сказала она и ушла внутрь.

Подозреваю, будь я в рейдерской одежде, этот разговор был бы сильно сложнее. Вернулась она быстро.

— Идите за мной.

Я прошёл через главный зал дальше, туда, вглубь помещения. За внутренним столом, заваленным записями, высушенными стеблями, пластинами слюды и тремя вскрытыми коробками с порошками, стояла женщина. Сухопечая. Лицо резкое, собранное. Тёмные волосы убраны назад кое-как, и у виска уже вилась заметная седая прядь. Брови будто выгорели почти добела. Пальцы и запястья в старых ожогах. Поверх простой светлой рубахи — тёмный рабочий передник, давно проигравший войну реактивам.

Женщина подняла голову.

— Сольва, — представилась она так, будто этого было достаточно для любого разумного разговора.

— Крэйд.

Она слегка кивнула.

— Чем могу быть полезна, господин Крэйд?

— Полагаю, — ответил я, — что в артели вашего размера держат не только ступы и котлы, но и книги. Я в городе временно, но, вероятно, задержусь до холодов. Хотел бы занять это время с пользой и немного подтянуть знания алхимии.

Сольва просто смотрела.

— И что именно вы хотите от меня? — спросила она.

— Доступ к книгам. Разумеется, в те часы, когда это никому не мешает. И возможность время от времени задавать вопросы, если я не сумею понять что-то из записей сам.

Она отвела взгляд к моим рукам, потом снова к лицу.

— Если вы хотите учиться, — сказала она ровно, — в таких случаях обычно поступают в ученики. Начинают с пола, мешков и резки корней. Потом допускаются к ступе. Ещё позже — к огню. А книги идут после того, как человек успел испортить хотя бы достаточно сырья, чтобы начать ценить чужие записи.

— Разумный порядок, — согласился я. — Но он рассчитан на людей, которые собираются зарабатывать этим всю жизнь. А меня интересуют только знания.

— Допустим, — сказала Сольва. — И почему мне это должно быть интересно?

— Я готов заплатить.

— Один золотой, — ответила она. — И это только за то, чтобы я вообще начала рассматривать такую возможность.

Вот это уже начало диалога.

— Понимаю, — сказал я. — Вы назначаете цену не за полки с книгами. Вы хотите убедиться, что у меня достаточно денег и мне не придёт в голову потом отбивать расходы мелочной торговлей прямо у вас под носом.

— Но один золотой, — продолжил я после короткой паузы, — не может быть ценой за доступ к библиотеке. Это цена за проверку моих намерений. В таком случае я предпочёл бы дать вам более убедительное доказательство.

Сольва чуть наклонила голову.

— Слушаю.

— Я сделаю у вас большой и сложный заказ. Такой, что он сам по себе убедит вас в моей платежеспособности. Сроком на полгода. Пока вы будете над ним работать, я буду пользоваться библиотекой. Вам — деньги и работа. Мне — знания.

— И что это за заказ?

Я достал из внутреннего кармана сложенный лист — заготовленный ещё у писаря.

Сольва развернула его и принялась читать.

Список был не из тех, что обычно приносят алхимикам: усиливающие составы без резкого запаха и без цвета, будто сделанные не для людей, а для тварей; яды короткие и злые; ослабляющие составы на себя — наоборот, долгие, растянутые, не обязательно сильные, но работающие часами; противоядия — только мгновенные, без постепенного «выведения», чтобы яд обрывался сразу, а не ослабевал понемногу.

Сольва дочитала до конца и подняла на меня глаза.

— Я оцениваю такую работу в четыре золотых, — сказал я.

Она положила лист на стол и заговорила уже по-настоящему деловым тоном:

— Усиление без запаха и цвета — это не изготовление по готовому рецепту, а цепочка экспериментов, проб и ошибок. Продолжительные ослабления слабой силы — отдельная линия, она тоже нестандартная и потому не лежит готовой на полке. Мгновенное противоядие от сильных ядов вообще какая-то бессмыслица: нет причин нейтрализовывать яд мгновенно, это свойство можно разменять на сопротивление более сильному яду. Не уверена, что этим вообще кто-то занимался. Четыре золотых — хорошая цена, если брать только изготовление, но не исследования с целью добиться нужного вам результата.

— Если бы мне нужно было что-то по отработанному рецепту, я бы не сказал, что работа рассчитана на полгода.

— Тогда сойдёмся на пяти золотых.

Я немного помолчал.

— Хорошо, — сказал я наконец. — Но мне нужен будет периодический отчёт о ходе работы. И мы вычтем из финальной стоимости те зелья, которые вам не удастся сделать. Надеюсь, вы проводите испытания итогового результата?

— Испытаний не будет, — ответила она. — Я владею этой артелью не просто так. Я всю жизнь развивала навык, который позволяет видеть свойства и качество изготовленных зелий. Уже до тридцатого уровня. Ваш запрос нестандартный, но для оценки результата моего навыка более чем хватит.

Тридцатый уровень алхимического навыка! Да она просто невероятна.

— Два золотых задатка сейчас, — предложил я. — И я бы хотел увидеть библиотеку.

Я вынул два золотых и положил на стол.

Сольва сдвинула монеты к краю стола и крикнула в дверь:

— Мира!

Та самая девушка из передней тут же заглянула внутрь.

— Покажи господину Крэйду библиотеку. И объясни, где он может сидеть, не путаясь под ногами.

— Да, госпожа Сольва.

Мы прошли в соседнюю комнату, более прохладную и сухую. Там стояли полки — помимо книг тут были лабораторные журналы с записями об исследованиях. Не ожидал, что к ним меня тоже допустят.

— Сидеть можно здесь, — сказала Мира, указывая на длинный боковой стол у окна. — Чернила общие, пользуйтесь. Книги ставьте обратно туда, откуда брали. Если что-то непонятно в записях Вардена, лучше даже не пытайтесь угадать — он пишет так, будто воюет с буквами.

Я медленно провёл рукой по корешкам. Через несколько минут вышел из артели обратно на улицу. Ещё один шаг из плана был сделан.

* * *

Записку из городской управы мне принесли только через четыре дня.

За это время я успел наладить почти достойную жизнь: утром библиотека Сольвы, днём город, вечером `Золотая Купель`, ночью сон. Уже на второй день я начал думать, что Нарберт либо очень занят, либо очень вежливо даёт мне понять, что моё письмо отправилось в ту же стопку, куда обычно складывают ненужный мусор, и мне придётся решать проблемы другим способом.

На четвёртый день в гостиницу пришёл мальчишка в чистой куртке и с важностью на лице, которую обычно выдают только вместе с поручением от власти. Он передал мне короткую записку с приглашением явиться в управу к полудню.

Перед выходом я на всякий случай наложил Инверсию на себя и проглотил два заранее приготовленных зелья. В одном была дрянь, от которой у обычного человека начинают дрожать руки и мутнеет в глазах. Во втором — ослабляющая сыворотка. Под Инверсией оба работали как бодрость, ясная голова и лишний повод не бояться неприятностей. Если всё пройдёт хорошо, я просто потеряю немного маны и зелий. Если плохо — у меня хотя бы будет шанс успеть испортить кому-нибудь день.

Приёмная у заместителя главы Тальвика Нарберта выглядела ровно так, как и должна выглядеть приёмная человека, который в этом городе говорит от имени власти чаще, чем сам глава. Узкая длинная комната, лавки вдоль стен, два высоких окна, стол у внутренней двери и ощущение, что здесь даже воздух выдают порциями, строго по старшинству.

За столом сидела женщина лет сорока в тёмном платье с безукоризненно прямой спиной. Для таких, как она, и придуманы слова вроде «делоправительница»: эта женщина не записывала чужие просьбы, а решала, какие из них вообще достойны дойти до начальства. Про себя я, впрочем, назвал её новомодным словом "секретарь".

Передо мной в приёмной ждали трое: какой-то очень важный купец и два безликих человека, профессию которых я затруднялся назвать. Судя по всему, у кабинета Нарберта был другой выход, потому что секретарь временами приглашала новых посетителей, но обратно никто не возвращался. Выглядело это немного устрашающе.

Секретарь подняла глаза от записей.

— Господин Реск, — сказала она купцу. — Проходите. Время аудиенции тридцать минут.

Купец поджал губы и исчез за внутренней дверью.

— Господин Крэйд, — сказала секретарь. — Следующим будете вы. На вас отведено десять минут.

В кабинет меня позвали ровно через тридцать минут.

Нарберт ждал за рабочим столом у окна. Худой, аккуратный, с тёмными усами и такими чистыми манжетами, будто погода в Тальвике существовала для кого угодно, только не для него. На столе лежали бумаги, сургуч, маленький колокольчик и мой лист от писаря — тот самый, который я послал вместе с когтем. Всё было разложено ровно, без показной роскоши. Так обычно живут люди, которые не выставляют богатство напоказ, потому что им и без того уступают дорогу.

— Господин Крэйд, — сказал Нарберт, поднимаясь. — Рад видеть вас лично.

— Господин Нарберт, — ответил я, коротко склонив голову. — Благодарю, что нашли для меня время.

— Вы сделали достаточно, чтобы вызвать любопытство. Садитесь.

Я сел. Стул был хороший, крепкий. Такой не раздражает спину и не скрипит в неподходящий момент. Тоже признак власти, кстати. Мелкий, но приятный. Я скорее ожидал, что хозяин кабинета расположится на чём-нибудь, похожем на трон, а гостей будет сажать на неудобную табуретку, чтобы лишний раз показать своё старшинство. Но этому человеку, видимо, не было нужды ничего доказывать.

Нарберт опустил обратно в кресло и несколько секунд просто рассматривал меня.

— Вы человек противоречий, господин Крэйд, — сказал он наконец.

Он повернул листок, видимо, с донесением.

— В диких землях вы жарили мясо на дереве при помощи греющего камня. Вещь не дешёвая. При этом лук у вас был самый простой и старый: добротный, рабочий, но заношенный. У вас есть поддоспешник из чешуи какого-то существа, но чешуя закрывает не всё. Потом вы приходите в Тальвик с лицом человека, который слишком давно ночевал вне стен, и через два дня покупаете одежду, в которой можно являться не ко мне, а сразу на приём к барону. Потом выясняется, что вы, по всей видимости, прошли немалый путь через дикие земли, но при этом вас едва не сожрал обычный южный иглохвост. Согласитесь, занятный набор примет.

Иглохвост. Вот, значит, как на самом деле называлась та тварь.

— Особенно обидно за последнюю часть, — сказал я. — Всё остальное ещё можно списать на характер. Но я знал опытного рейдера, который раз пять ходил на очень серьёзного босса, а умер дома, подавившись водой. Никогда не знаешь, что именно тебя убьёт.

Нарберт позволил себе короткую, почти бесцветную улыбку.

— Но своего вы добились, моё внимание привлекли. Зачем вам понадобилась аудиенция?

— Я хотел бы остаться в Тальвике до весны, — ответил я. — Попал в неприятности. Они не так заметны с первого взгляда, как могли бы, но долечиться мне всё-таки стоит. Заодно хотел бы поучиться.

— Похвальная цель, — сказал он ровно. — И что именно вы хотите от меня?

— Содействия.

Я достал из внутреннего кармана пластинку и положил её на стол между нами.

Самую маленькую из тех, что у меня были. Всего пятнадцать тысяч опыта навыка. Всего — это, конечно, с моей точки зрения человека, который видел и получше. Для большинства людей такая штука была бы поводом резко пересмотреть отношение к гостю. Некоторые навыки почти не качаются обычным применением. Тот же Взгляд охотника, который я недавно получил, на одних честных попытках мог бы расти до смешного долго. У знати, у ремесленников с редкими умениями, у людей, которые любят делать дорогие подарки правильным знакомым, такие пластинки ценились куда выше их веса.

— Пластинка опыта навыка, — сказал я. — Пятнадцать тысяч. Я готов уступить её вам за шестьдесят Печатей переводом и ещё двадцать — золотом. Итого восемьдесят.

Я сам знал, что срезаю цену почти вдвое. И это если продавать тут, а в большом городе, на хорошем аукционе, за такую вещь можно было взять больше. И в свободной продаже такие пластинки вообще появлялись нечасто. Даже если не использовать самому, это был дорогой подарок, взятка или повод сделать кого-нибудь полезного очень благодарным.

Нарберт перевёл взгляд с пластинки на меня.

— Щедрая скидка.

— Да, но за эту скидку мне понадобится услуга, — сказал я.

— А именно?

— Помощь в размещении до весны.

Он чуть откинулся в кресле.

— Продолжайте.

— Мне нужен просторный дом в аренду до весны. Бесплатно. В Тальвике наверняка найдётся пустующий дом, который сейчас приносит городу меньше пользы, чем мог бы.

— Возможно.

— В доме обязательно должна быть баня. С запасом дров на год. И чтобы носильщики таскали туда воду регулярно и без отдельного распоряжения. Возле этого дома должен стоять пост стражи. Или, если вам так приятнее, его нужно включить в такой маршрут смен и ночных остановок, чтобы возле него всегда были ваши люди. Мне не хочется тратить силы на наём охраны, и ещё меньше хочется потом гадать, кто именно решил проверить замки: злоумышленники или сами охранники.

Нарберт не перебивал. Я вынул лист — тот самый список, который несколько дней назад продиктовал писарю.

— Ещё мне понадобится оборудование для алхимических опытов. Тигли, горелки, посуда, перегонный прибор, рабочий стол, шкафы под реагенты. Всё — в аренду. Весной верну в том состоянии, в каком получу, или компенсирую то, что сломаю. Список здесь.

Он взял лист, быстро пробежал глазами и вернул обратно.

— И, — добавил я, — мне нужно письменное согласие на аренду дома и оборудования. Не устное обещание, не красивый кивок, а нормальная бумага. Чтобы потом мне не пришлось доказывать, что я не занял чужое жильё с оружием в руках.

— Ещё что-нибудь?

— Да, — сказал я. — Меня не нужно беспокоить без необходимости. Я хочу спокойно пережить зиму, долечиться, поучиться и не тратить время на мелкие недоразумения. Лучше, если вы сами донесёте это до нужных ушей, чем мне потом придётся объяснять своё положение каждому по отдельности.

Нарберт молчал недолго, но достаточно, чтобы я успел ещё раз мысленно проверить расстояние до двери, до окна и до его горла. На всякий случай.

— Вы предлагаете мне дорогую пластинку в обмен на то, чтобы я дал вам дом, защиту, оборудование и покой, — сказал он.

— Примерно так, — ответил я.

На этот раз он улыбнулся уже без всякой двусмысленности. Нарберт посмотрел на пластинку ещё раз, потом протянул руку к колокольчику и легко ударил по нему пальцем.

Звук вышел негромкий.

А вот у меня внутри — наоборот.

Если бы в следующую секунду в кабинет вошли стражники с приказом меня положить лицом в пол и обыскать, положение стало бы очень скверным. Именно для таких случаев я и шёл сюда под Инверсией и двумя видами отравы в крови. Плохой план, но другого у меня всё равно нет.

Дверь открылась, и на пороге появилась секретарь.

— Пригласите писаря, — сказал Нарберт. — И казначея. Господину Крэйду понадобится договор и деньги.

Я медленно выдохнул.

Похоже, в Тальвике всё-таки существовала разновидность власти, которая предпочитала сначала считать выгоду, а уже потом — чужие кости.

Глава 3

Выпал первый снег.

Не зима, конечно, в том виде, в каком я ее помнил по северу. Просто ночью по крышам и земле прошелся белый налет, а к полудню уже начал сходить с темных досок и мостовой. Но когда я пришел в Тальвик, здесь еще спорили, долго ли простоит сухое осеннее тепло. Теперь спорить было уже поздно.

Почти за два месяца тут я успел сделать то, чего от себя раньше не ждал: привыкнуть.

Привыкнуть к дому, который город сдал мне до весны. К отдельной комнате под лабораторию. К библиотеке Сольвы. К тому, что по утрам мне не надо никуда спешить, чтобы раз за разом кому-то доказывать, что я не просто калека без уровней. Вместо этого я мог спокойно думать, сколько еще держать на слабом огне вытяжку из ядовитой железы, прежде чем она станет бесполезной грязью. Не на продажу, не ради заработка, а для опытов, которые были мне интересны.

Я загасил горелку, проверил, плотно ли закрыты две последние склянки, и запер дверь лаборатории.

По коридору уже шла Неста, женщина, которую дважды в неделю присылала ко мне хозяйка дома. Нарберт устроил аренду через город, но сам дом по-прежнему оставался за ней. Неста убиралась, ворчала на мои пятна на столе и с подчеркнутым достоинством делала вид, что запахи из этой комнаты для нее не существуют. Система когда-то выдала ей боевой навык, к полному ее неудовольствию. В рейдеры Неста не пошла, в стражу тоже: крови и насилия она боялась больше, чем бедности.

— Закончили, господин Крэйд? — спросила она, перекладывая тряпки из одной руки в другую.

— На сегодня да.

Она покосилась на дверь лаборатории.

— А то в прошлый раз у вас на подоконнике сохла какая-то мерзость.

— Это был перспективный ингредиент.

— Он капал на пол.

— Перспективный не означает подготовленный.

— Я туда не полезу, — предупредила она. — Если у вас что-нибудь опять разьест, мойте это сами.

— Справедливо, — согласился я. — Если что-то зашипит, просто открывайте окна и зовите стражу.

— Стража и без того напротив торчит.

Это была правда. Стражу я сам себе и выпросил. А Несте вообще запретил ходить в лабораторию и лишь изредка, когда эксперимент шел не по плану, звал ее в самых крайних случаях.

— Тем более удобно, — заметил я.

Неста покачала головой, но уже без настоящего недовольства.

— Идите уж. Пока булки у Данары теплые.

Совет был разумный. Я надел плащ, вышел на улицу и сразу вдохнул воздух, который пах снегом, дымом и близкой пекарней.

Напротив дома, у низкой каменной ограды, стояли двое стражников. Я коротко кивнул. Усатый в ответ коснулся пальцами края шапки.

Ни удивления, ни напряжения. Просто знакомые люди на знакомых местах.

До булочной Данары было меньше двух минут.

Там, как всегда, было жарко, тесно и хорошо. На запотевших окнах оседала мука, на полках лежали круглые буханки, витые булки, слоеные полоски с маком и те маленькие сладкие штуки с ореховой крошкой, которые я поначалу покупал из чистого любопытства, а потом незаметно втянулся. Если я исчезну, Данара, вероятно, первой заметит это по падению спроса на булки с корицей.

Данара стояла за прилавком по локоть в муке и спорила с каким-то возчиком о весе вчерашнего каравая. Увидев меня, она без паузы закончила спор правильным тоном человека, который привык выигрывать:

— Если бы я вас обвешивала, вы бы ко мне через день не возвращались. Следующий.

Возчик буркнул что-то примирительное и отступил.

— Господин важный заказчик Крэйд, — сказала Данара уже мне. — Сегодня сколько? Опять на полгорода?

— Только на полезную его часть.

— Тогда вам как обычно, — решила она за меня. — Две с корицей, две с мясом, одна с орехом, потому что вы все равно на нее посмотрите и начнете делать вид, будто не хотели, но в итоге возьмете.

— Вы слишком много обо мне знаете.

— Работа такая.

Я положил на прилавок мелочь.

— И еще пару простых.

— Вы сегодня настроены на что-то серьезное, — заметила Данара, быстро перекладывая булки в бумагу.

— У меня широкий круг подкупа.

— Не могу не одобрить подход, — сказала она. — Лучше всего пробиваться в сердца людей через выпечку.

Сверток получился увесистый. Данара подала его мне через прилавок.

— Первый снег, — сказала она, чуть кивнув на окно. — Теперь рейдеры снова начнут врать, что по следу теперь идти заметно лучше.

— А что, врут?

— Врут, — уверенно ответила она. — Рейдеры всегда врут. Только зимой и летом про разное.

Следующей остановкой было `Сушило`.

Так в Тальвике называли длинный низкий пристрой у караванного двора, где днем грелись, ели, ругались о цене шкур и ждали тех, кто возвращался из диких земель. Там рейдеры собирались, там сбивались в отряды, оттуда выходили и туда возвращались. Место было шумное, но без лишней грязи. Если человеку нужны были рейдерские слухи, начинать следовало именно оттуда.

Ольгерт был первым из города, с кем я познакомился, если так можно назвать спасение моей шкуры от клыков иглохвоста. Он сидел у стены на своей обычной лавке. Пил что-то горячее из глиняной кружки и смотрел в окно на медленно летящий и мгновенно тающий снег.

Я подошел, положил перед ним булку с мясом и следом — серебряную монету.

— Срок подошел, — сказал я.

Ольгерт опустил взгляд на монету, потом на булку.

— Все еще считаю, что это странная трата серебра, — произнес он. — Но раз уж ты настаиваешь, не стану тебя останавливать.

Ольгерт умел брать серебро так, будто делает мне одолжение, принимая мои деньги в свое трудное, но честное хозяйство.

Мы с ним договорились просто. Раз в десять дней я платил ему серебряную монету, а он рассказывал все, что считал достойным денег: кто собрался в дальний выход, кто видел босса, где в диких землях стало слишком тихо и потому опасно, а где, наоборот, слишком шумно и потому туда пока не стоило соваться. Раньше я такие слухи собирал сам, но у себя. В этом городе у меня не было на это ни времени, ни доверия местных. Зато Ольгерт по своей работе слышал много и болтал только по делу.

— У Зуба Пастуха следы видели, — сказал он после паузы. — Это серая скала в двух днях к югу отсюда, у сухого оврага. Крупные. По восемь пальцев в следе. Шаг тяжелый, но короткий. Двое видели, оба решили туда пока не лезть.

— Разумные люди.

— Поэтому и живы.

Я кивнул.

— Еще?

— Еще Вея ходила к Красному уступу, это каменный гребень севернее старой соляной дороги. Говорит, там будто вымело всю мелочь. Ни иглохвостов, ни кролеров, ни даже свежей возни у нор. Когда так пустеет, рядом обычно заводится что-то серьезное.

— Это уже интереснее. Что именно?

— Пока не поняли. Но мелочь с места просто так не снимается. Хотя про присутствие босса говорить еще рано.

Ольгерт задумался.

— И ещё, — добавил Ольгерт. — У Вдовьего Венца старую лёжку нашли. Это два дня к юго-востоку, каменное полукольцо над иссушенной равниной. По знакам похоже на рахшара. Большая гривастая дрянь.

Это я запомнил. Рахшар — хорошо знакомая мне тварь.

— Дай знать, как только будет какая-то информация про это место.

Мы поговорили еще некоторое время, по большей части про то, какая группа куда собирается. Я оставил ему еще одну булку и пошел дальше.

До алхимической артели путь был знаком до скуки. За эти месяцы я исходил его столько раз, что мог пройти с закрытыми глазами. В передней меня встретила Мира.

Она раскладывала по коробкам сушеные стебли, быстро, уверенно и с тем сосредоточенным лицом, какое бывает у людей, которым очень не хочется потом выслушивать замечания Сольвы.

Увидев меня, Мира заметно оживилась.

— Добрый день, господин Крэйд.

— Добрый, — ответил я и положил на край стола булочку с корицей. — Взятка за допуск к книгам.

— Да какая это взятка, если и без нее велено вас пропускать, — со смешинкой сказала она и тут же спрятала улыбку. — Спасибо.

— Госпожа Сольва у себя?

— Да. Освободится через несколько минут.

— Понял, — сказал я.

Мира быстро убрала булку в ящик стола, будто спасала ее от служебной конфискации.

— В библиотеке тепло, — сообщила она. — И чернила сегодня свежие. Я их сама разводила, так что если окажутся плохими, прошу винить воду.

Я прошел в библиотеку, снял перчатки, устроился за боковым столом и некоторое время действительно читал. Но недолго. Сольва вошла минут через десять.

Темные волосы у нее, как обычно, были собраны наспех, и седая прядь у виска сегодня выбилась сильнее обычного. Лицо оставалось привычно сухим, собранным, без лишних выражений. Но на стол она положила футляр со склянками с той аккуратностью, с какой люди обычно кладут очень хрупкую вещь. Хотя и стекло в артели было высокого качества, и сам футляр казался надежным.

— Господин Крэйд, — произнесла она.

— Рад вас видеть.

Она открыла футляр.

Внутри лежали две тонкие темные склянки без этикеток, но с восковыми метками на пробках.

— Удалось довести до ума еще два зелья из списка, — сказала Сольва. — Первое — состав на временное размягчение костей и суставных связок. Рабочий. Пить. На нож, иглу, болт и прочие мечты о красивой жизни наносить бесполезно: в крови он разваливается быстрее, чем успевает что-либо сделать.

Я потянулся ближе.

— Дозировка?

— Четверть склянки на взрослого человека — первые заметные признаки через пятнадцать-двадцать минут. Половина — выраженный эффект на четыре часа. Полная — до шести, но тут уже зависит от веса, здоровья и того, насколько у объекта хорошая печень.

— И что именно происходит?

— Человек не рассыпается на полу, если вас это интересует, — отрезала Сольва. — Кости и связки начинают хуже держать вес, хуже переносят удар; сломать что-нибудь можно и простым толчком. Боли, кажется, нет, но тут я не уверена.

Прекрасно.

— А второе?

— Почти полная глухота. Тоже пить. Через желудок работает устойчиво, через кровь — плохо. Треть склянки дает два часа заметного эффекта. Половина — около четырех. Полная — почти не даст дополнительного времени. Человек слышит только очень громкие звуки рядом с собой. Равновесие слегка плывет, но не настолько, чтобы он гарантированно упал — это просто побочный эффект.

— То есть оба состава удались.

— Я бы не стала тратить ваше время иначе.

Вот теперь я окончательно убедился, что у нее плохое настроение.

Обычно Сольва позволяла себе короткую профессиональную гордость. Сегодня она отмеряла слова так, будто каждое стоило денег, причем ее собственных.

Я взял одну из склянок, осторожно покрутил на свету и не удержался от улыбки.

— Поздравляю, госпожа Сольва. Это отличная работа.

Она слегка наклонила голову.

— Я в курсе.

— Тогда поздравляю еще и с тем, что вам не нужен скромный внешний наблюдатель, чтобы это заметить.

Сольва посмотрела на меня несколько секунд.

— Полагаю, теперь наступает та часть беседы, где вы показываете, чему научились сами.

— Именно.

Я достал из сумки свои склянки.

За последние месяцы я правда многому научился. Не настолько, чтобы называть себя алхимиком без риска быть осмеянным настоящими алхимиками, но достаточно, чтобы варить не только очевидную дрянь. На стол я поставил три маленьких флакона: вытяжку на ослабление реакции, состав на тупую ломоту в мышцах и еще одну вещь, которая у обычного человека вызывала бы ватную слабость, а под Инверсией работала на меня как сносный временный усилитель.

Сольва взяла первый флакон, оценила его своим навыком и безжалостно подвела итог:

— Жить будет.

— Звучит не как похвала.

— Это не она.

Она проверила второй.

— Грязновато. Но уже не стыдно.

Третий удостоился самой длинной оценки:

— Если забыть о запахе, мутности и том факте, что нормальный человек добровольно это пить не станет, то направление у вас верное.

— Я предпочту запомнить только последнюю часть.

— Как и все любители самодеятельности, — сухо сказала Сольва.

Я с достоинством проигнорировал это чудовищное оскорбление и достал из сумки завернутый в промасленную ткань последний предмет.

— А это?

Сольва развернула ткань.

На ладони у нее остался тонкий серо-белый мешочек, похожий на подсушенный пузырь. Я три дня вымачивал его в слабом растворе соли и кислоты, потом еще день гонял через нейтральную промывку, стараясь не испортить структуру.

— Резонаторный мешок скального гудня, — сказал я. — Подготовил по третьему журналу Вардена, но сократил время кислой ванны.

Вот тут Сольва впервые за весь разговор действительно посмотрела на меня с интересом. Она помолчала, проверяя вещь навыком.

— Это уже лучше, — произнесла она наконец. — Намного.

— Насколько намного?

— Настолько, что я не хочу сейчас слушать, как вы немедленно возгордитесь. Подготовка не идеальна. Но вы хотя бы поняли, что главная ценность тут не в оболочке, а в том, как сохранить внутренние волокна живыми до сушки.

— То есть я был близок.

— То есть вы впервые за день показали мне вещь, которую похвалить можно не только из жалости.

Это, по меркам Сольвы, пылкая похвала. Я откинулся на спинку стула и некоторое время молча смотрел на нее.

На слишком ровный голос.

На слишком точные паузы.

На то, как она чуть сильнее, чем нужно, вернула мои склянки на стол.

Потом вздохнул.

— Госпожа Сольва, — сказал я самым вежливым тоном, на какой был способен. — Кто именно и каким изощренным способом успел испортить вам день, пока я мирно занимался наукой?

Сольва не ответила сразу.

Она села напротив, выдвинула ящик стола и достала оттуда узкую плоскую фляжку. Глоток был короткий, привычный. На миг металл скрыл жесткую линию рта. Выбившаяся седая прядь легла вдоль щеки, и я впервые за весь день заметил, насколько она выглядит уставшей. Когда Сольва убрала фляжку обратно, в воздухе проступил теплый виноградный запах хорошего коньяка.

— Это лечебное? — спросил я.

— Это чтобы разговор не стал хуже, чем уже есть, — сухо ответила она.

Потом потерла переносицу двумя пальцами, будто у нее болела голова.

— У меня сестра живет в Торнмайре, — сказала Сольва. — Это крупнейший город в герцогстве. Пишет редко, но регулярно. Не из той породы родственников, что вспоминают о тебе только когда им нужны деньги. Просто раз в несколько недель присылает письмо: кто заболел, кто женился, сколько стоит сырье, спрашивает, не сдохла ли я тут от переутомления.

— Редкая роскошь. Родня, которая пишет не только по беде.

— Вот именно.

Она постучала ногтем по крышке футляра.

— Вчера от нее пришло письмо.

— И что в нем было такого, что настолько вывело вас из равновесия?

— В самом письме? Ничего. Племянник опять подрался в школе писарей. Муж сестры влез в какую-то скучную торговую тяжбу. Осенние цены на смолу в Торнмайре поползли вверх. Барон Кальвер из рода Ханма впал в опалу и перебрался за город. Говорят, взял у очень уважаемых людей деньги под партию какого-то редкого товара, а товар в город так и не доехал.

Она чуть сощурилась.

— Но это не важно. Письмо вскрывали.

— Уверены?

— Настолько, что если окажется иначе, мне впору показываться лекарю.

Мне стало любопытно уже по-настоящему.

— Почему вы так уверены, что именно вскрывали?

— Потому что пытались слишком аккуратно для случайности, — ответила Сольва. — Почти умно. Клапан прогревали не грубо, а через ткань. Сургучную печать вернули на место так, что с первого взгляда ничего не заметишь.

— Но вы заметили.

— Я каждый месяц держу в руках ее письма. Знаю, как она складывает лист, сколько сургуча льет на печать и как у нее ложится оттиск. Тут край клапана лег чуть ниже прежнего сгиба. На полногтя. Самую малость. Но главное не это. На нижнем крае сургуча остался едва заметный белесый налет, а в самом сургуче — слабый след винного спирта. Им снимали липкость после прогрева, чтобы печать легла ровно и не потянулась нитями. Человек со стороны мимо бы прошел. Я — нет.

Я кивнул.

— Значит, вы кому-то наступили на большую мозоль, и они заплатили местному почтальону за доступ к вашей переписке?

— Вскрывали не здесь, — ответила Сольва. — Я забрала письмо прямо на почте, не уходило оно ни к кому в дом и никуда не пропадало по дороге между отделением и мной. А под клапаном, с внутренней стороны, была пыль.

— Пыль?

— Мелкая красноватая дорожная пыль, — сказала она. — Такая садится на письма в пути, когда мешки неделями таскают через тракт. Снаружи она меня бы не удивила. Но она была под клапаном. Внутри. Если бы письмо вскрыли уже здесь, в Тальвике, после того как его вынули из мешка, внутрь неоткуда было бы набиться столько дорожной пыли. Значит, его открывали раньше. Где-то по пути. А потом еще везли дальше, как ни в чем не бывало.

Логично.

— И сделали это так, чтобы вы, если и заметите, не смогли доказать.

— Именно.

— На местной почте вы что-нибудь сказали?

Сольва посмотрела на меня так, будто только что услышала предложение сварить зелье из речной тины идохлой курицы.

— И что бы я им сказала? «Добрый день, кто-то очень старательно прочитал мое письмо, но, возможно, не у вас, а раньше, так что будьте добры немедленно смутиться»? Нет. Я забрала его, пришла сюда и решила сначала успокоиться.

— Получилось средне.

— Для начала сойдет.

Несколько секунд мы молчали.

Я вертел в пальцах одну из своих склянок и прикидывал, кому могла понадобиться чужая семейная переписка городской алхимички. В голову лезли только мелкие и беспомощные версии, ни одна из которых не стоила доверия.

Сольва, похоже, думала примерно о том же. Потом ее взгляд вернулся ко мне. Не к моим зельям. Ко мне.

— Впрочем, — произнесла она уже спокойнее, — в этой комнате есть и другая странность.

Она чуть повернула голову в сторону полок с журналами.

— Что именно вы ищете в этих записях, господин Крэйд?

Я ничего не ответил, и она продолжила тем же ровным тоном:

— Я уверена, что вы именно ищете, а не просто читаете, ровно настолько же, насколько уверена, что мое письмо вскрывали. Сделайте мне одолжение, господин Крэйд: в ответ на мою откровенность ответьте так же откровенно.

Я некоторое время молчал.

Сказать правду целиком было глупо. Сказать неправду — бесполезно. Сольва не любила, когда ей врут. Еще меньше она любила, когда ее считают недостаточно умной, чтобы это заметить.

— Хорошо, — сказал я. — Я и правда ищу одну конкретную тему.

— Какую?

— Я ищу бустеры. Или любые другие составы, которые временно вмешиваются в набор опыта.

Сольва даже не удивилась.

— Бустеры, — повторила она.

Она откинулась на спинку стула и несколько секунд смотрела на меня так, будто прикидывала, насколько сильно я переоцениваю свои возможности.

— И вы решили искать их в городской библиотеке артели, — произнесла она наконец.

— Я решил искать хоть где-нибудь, где книги не прикованы цепями к чьему-нибудь фамильному подвалу.

— Уже лучше, — сухо заметила Сольва. — По крайней мере, вы понимаете, как устроен вопрос.

Она постучала пальцем по ближайшему корешку.

— Эти полки, господин Крэйд, существуют не потому, что какой-то мастер однажды проснулся добрым и захотел поделиться лучшим, что знает. В книги попадает не самое ценное. В книги попадает то, что кому-то наверху стало выгодно выпустить наружу.

— Выгодно?

— Именно. Серьезные исследования обычно ведутся в закрытых мастерских родов, крупных кланов, храмов, иногда богатых артелей под хорошей защитой. Там рецепт — это не знание. Это преимущество. Деньги. Люди. Иногда власть. Но если корона или герцогство понимают, что знание окупится на масштабе, его выкупают и пускают в большой тираж.

Она говорила уже тем тоном, которым обычно разбирала чужую ошибку: без злости, но так, что перебивать не хотелось.

— Хорошие лечебные составы выкупали не раз. После рейдов и болезней выживает больше людей, остается больше рабочих рук, лучше собираются налоги. С устойчивыми охотничьими ядами та же история: больше добычи, больше шкур, больше торгового оборота. Некоторые герцогства за последние годы начали выкупать даже отдельные рецепты и чертежи артефактов, чтобы потом пускать их по мастерским в собственном герцогстве большими партиями. А мелкие бароны с удовольствием платят за исследования местных тварей. Один толковый справочник по новой дряни на границе иногда полезнее десятка копеечников в латных доспехах.

— Значит, если по теме книг нет, то ее не сочли выгодной для общего употребления.

— Или сочли слишком выгодной для слишком узкого круга, — поправила Сольва. — С бустерами именно так.

Она сцепила пальцы на столе.

— Настоящий ускоритель опыта нужен либо тому, у кого есть запас пластинок, либо тому, кто месяцами сидит на по-настоящему выгодных условиях. На обычной работе и обычной охоте вы просто не увидите разницы, которая оправдывает цену. А вот богатый человек с доступом к монстрам, наемникам и деньгам увидит. Очень быстро.

— И если дать рецепт всем...

— То редкие ингредиенты взлетят в цене и исчезнут с рынка, — закончила Сольва. — Их скупят те, у кого и без того хватает денег и возможностей. Город богаче не станет. Корона тоже. А вот отдельные влиятельные люди потеряют возможность дешево скупать ингредиенты, которые на деле оказываются ценнейшей основой бустеров.

Я кивнул.

— А артефакты?

Сольва усмехнулась без малейшего веселья.

— Артефакты на усиление набора опыта — это не уровень городской артели. И даже не уровень герцогских библиотек. Если вы когда-то узнаете чужую тайну создания таких артефактов, убьют сначала вас, а потом и всех, кого вы знали с колыбели. Просто на всякий случай.

Я некоторое время молча вертел склянку в пальцах.

— Жаль, — сказал я. — Хотя меня на самом деле интересуют не ускорители.

Сольва слегка прищурилась.

— Тогда зачем вы искали именно их?

— Потому что мне нужен обратный принцип, — ответил я. — Не бустер. Замедлитель.

Впервые за весь разговор она моргнула не сразу.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Состав, который сильно замедляет набор опыта. Хотя бы на короткое время.

— Люди обычно платят за противоположное.

— Люди вообще часто платят за ерунду, — заметил я. — Мне нужен такой, который замедлит набор опыта примерно в сто раз. Хотя бы ненадолго.

На этот раз она не ответила сразу.

Я продолжил уже спокойнее:

— Логика у меня простая. Спрос на такую мерзость почти нулевой. Значит, если кто-то этим и занимался, то не ради больших родов и не ради тех, кто привык замечать следы подчистую. У такого состава может быть другой круг применения, другой набор ингредиентов, другие побочные замечки. Может, вообще какая-нибудь странная побочная ветка, которую никто не счел важной прятать. Я смотрел на бустеры не потому, что они мне нужны. Я пытался понять общий принцип: чем вообще можно сдвинуть набор опыта.

Сольва не сводила с меня взгляда.

Привычная сухая ирония ушла из ее лица так быстро, что это было заметнее любой улыбки.

— Повторите еще раз, что вам надо, — сказала она.

— Мне нужен состав, который хотя бы ненадолго замедляет набор опыта примерно в сто раз.

Сольва встала.

Не спеша подошла к двери, приоткрыла ее на два пальца и прислушалась. Из передней доносился отдаленный звон стекла и чьи-то голоса, но прямо у входа никого не было. Она так же тихо закрыла дверь, вернулась к столу и, вместо того чтобы сесть напротив, подтянула стул ближе ко мне.

— Ну что, господин Крэйд, — произнесла она очень тихо, — давайте поговорим.

Голос она понизила еще сильнее. Так, будто стенам можно было доверять лишь условно.

— Есть один способ искать такую дрянь не через книги, — сказала Сольва. — Через рынок.

— Это уже звучит как ремесло караванщиков, а не алхимиков.

— Это звучит как ремесло человека, который слишком много лет покупает, продает и перерабатывает ингредиенты, — отрезала она. — У обычной алхимии спрос предсказуем. Я примерно знаю, сколько за сезон уйдет костной муки, сушеных желез, желчи иглохвостов, связок бархатника, солей, вытяжек и всей прочей скучной честной дряни. Если какой-то компонент не встречается ни в одном ходовом рецепте — ни в лечении, ни в ядах, ни в ремесленных составах, — а при этом с рынка уходит так, будто им топят дворцовые печи, это редко бывает случайностью.

Я молча кивнул, и она продолжила:

— Иногда бывает еще веселее. Ингредиент не исчезает быстро, но держит цену, которой у него быть не должно. В открытых книгах он почти бесполезен. В обычной работе — тем более. А за него все равно платят так, будто он нужен людям, которые не привыкли спрашивать «почему так дорого».

— И вы много лет за этим следите.

— Не потому, что мне скучно, — сухо сказала Сольва. — Потому что это часть работы. Когда достаточно долго смотришь на закупки, начинаешь видеть не только товар, но и пустоты вокруг него. Кто берет через третьи руки. Кто молчит слишком уверенно. Какие вещи внезапно исчезают именно тогда, когда в больших домах кто-то особенно быстро растет в силе.

Это уже было интересно по-настоящему.

— И если так смотреть, — сказал я, — то можно не тыкаться во все подряд, а проверять вполне конкретные ингредиенты.

— Именно, — ответила Сольва. — Не весь мир сразу. Только подозрительные куски.

Я посмотрел на нее внимательнее.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Она улыбнулась одними уголками губ.

— Потому что я уже ходила по этой дороге, — сказала Сольва. — Бустера я не получила, зато получила обратный результат.

Я поднял взгляд.

— Рабочий?

— Вполне. Состав, который примерно в полтора раза замедляет набор опыта. Не навсегда, конечно. На несколько часов. Стабильный. Отвратительный на вкус, но рабочий.

Я почувствовал, как внутри все у меня замерло.

— И вы молчали о таком сокровище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.